

Ирис 1984, 1991

Леонида Гайдая представлять читателю не нужно. Пес Барбос, знаменитая троица Вицин—Моргунов—Никулин, Шурик с его приключениями, герои «Деловых людей», «Бриллиантовой руки» и «Двенадцати стульев», Иван Васильевич, сменивший профессию, — все это создания режиссера, который удивляет коллег верностью трудному жанру комедии.

— Леонид Иович, а ведь ваш самый первый фильм «Долгий путь», это совсем не комедия.

— Да, и был он, прямо скажем, для меня случайным. Начинать его другой режиссер, заканчивали мы с Невзоровым — первая самостоятельная работа! Но тянуло-то меня к комедии.

— И давно?

— С самого начала. Я тогда театром бредил. После школы стал рабочим сцены в Иркутской драме. А там война. В 1944-м, после ранения, вернулся из госпиталя в родной город, в свой театр, где как раз организовалась актерская студия. Учился, работал во вспомогательном составе. А комедия все не давала покоя. Был, помню, у нас спектакль по пьесе Нушица «Госпожа министрша», я играл совсем крохотный эпизодик, без слов. Время прошло, можно похвастаться — зал покатывался со смеху, оркестранты тянули шею из своей ямы, чтоб посмотреть. В общем, вскоре режиссер эту мою сцену отменил — я сбивал ему все основное действие. В театре был и мой первый режиссерский опыт — поставил сцену драки в той же «Министерше». Решил этому делу учиться, поехал в Москву, в ГИТИС. О кино тогда не думал. Но случилось так, что в ГИТИСе в тот год не было набора. А я уж из театра уволился. Ну, думаю, была не была, пойду в кино. Сдал экзамены во ВГИК. И не жалею. Кино, знаете, интереснее театра — во всяком случае, для меня.

— Вы много сделали для возрождения у нас эксцентрической трюковой комедии. Этот жанр — его называют «комическая» — был очень популярен во времена Великого Немого. Как, на ваш взгляд, обстоят с ним дела теперь?

— Хуже стал.

Иногда попадают неплохие ленты в грузинском кино — с легкой руки режиссера Кобахидзе — помните «Свадьбу»? Но в целом, как ни жаль, а вымирает «комическая», как мамонт. Утрачиваются навыки, ма-

уголовный кодекс. В «Теленке» — он гораздо умнее и тоньше, там уже целая философия появилась.

— Так как же вы искали своего Остапа?

— Десятки актеров пробовались. Прекрасные актеры, большие мастера. Владимир Высоцкий — как он замечательно пел у нас на кинопробе! Алексей Баталов был очень своеобразным Остапом, совершенно новому его увидел Фрунзик Мкртчян, с блеском сыграл сцену, правда, по-

зала — ишу смешное, придумываю, выдумываю... В процесс этот включается вся стемочная группа — и оператор, и осветители, и, конечно, актеры. Так коллективно мы в «Операции «Ы» придумали семь вариантов того, как Никулин кладет скелету лапу в рот.

— Вы часто используете трюк...

— Не так уж часто. Вот и в газетах пишут: трюк, трюк... Ну что вы считаете трюком в «Иване Васильевиче»?

не смеетесь. Потому что всякий трюк может «сработать» только там, где он совершенно необходим.

— Расскажите, пожалуйста, о своей новой картине.

— Вот об этом не люблю говорить. Пусть раньше этот режиссерский сценарий, все эти заметки и раскадровки станут фильмом. В основе его — три рассказа Михаила Зощенко. У Зощенко юмор — в лексике, в отборе слов, в самом построении фразы. Литературный юмор. Как это перевести на язык кино — кто его знает! Пока знаю только, что на экране появятся герои Зощенко и его современники, но увидим мы их — из наших дней, сегодняшними глазами. Три новеллы, три самостоятельные маленькие картины. И главный положительный герой — смех. Надеюсь, по крайней мере, что смех будет.

— Что вы цените в жанре комедии?

— Во-первых, прицельность. Я не знаю, например, почему кто-то из критиков назвал «Кавказскую пленницу» чисто развлекательным фильмом. Саахов — разве же это не сатирический образ? Человек с двойным дном. Демагог, который прикрывается фразой, лозунгом, а на деле — жулик и типичное «родимое пятно». А Бунша в «Иване Васильевиче»? Вы разве не встречали таких активистов-общественников, что считают своим долгом святым лезть человеку в душу? Комедия — жанр боевой, пока мы умеем смеяться над собственными недостатками, мы сильны.

А второе, что мне кажется важным в этом жанре, — краткость. Единжды в жизни сделал двухсерийный фильм — к концу мне самому скучно стало. Если помните, во второй серии «Двенадцати стульев» мы даже титр дали, чтоб зрителя утешить, — сколько минут и секунд еще осталось до спасительного конца. Очень это важно — вовремя поставить точку.

— Что ж, последуем этому мудрому правилу. Точка!

Вел беседу В. КИЧИН.

ВСТРЕЧИ С ИНТЕРЕСНЫМИ ЛЮДЬМИ

ЛЕОНИД ГАЙДАЙ — МАСТЕР СМЕХА

стерство. Актеры уходят, а смены нет. Вот я учился во ВГИКе, чего мы там только не переиграли — и бытовую комедию, и драму, а с эксцентрикой так и не встретились — ни разу! Никто не готовит актера комедии, эксцентрического актера. А ведь здесь нужна особая школа — ею прекрасно владели мейерхольдовцы. вспомните хотя бы Ильинского в молодости — кто сейчас так смеет? А зритель «комическую» по-прежнему любит, и для наших картин мы ищем актеров буквально по всей стране — от Владивостока до Калининграда. И далеко не всегда находим. Вот так искали Остапа для «Двенадцати стульев». К слову, часто сравнивают нашу картину с «Золотым теленком» М. Швейцера, спорят, какая лучше. Несопоставимые же вещи! Разные фильмы! И у Ильфа с Петровым в двух романах Остап разный. В «Стульях» — прои-

армянски. Жаль, кинопробы не сохраняются у нас в мосфильмовском архиве — со временем был бы бесценный материал. Один Остап лучше другого, но мы-то искали героя эксцентрической комедии. Героя совершенно особых свойств, он и жить-то должен в ином каком-то ритме. Это ведь вообще тонкая материя — смех. Вот уж, кажется, все условия для него созданы — а в зале молчание. А то — неудержимый хохот из-за жесты какого-нибудь, простого движения бровей актера. Никулин этого прекрасно умеет добиваться. Или — помните? — во французском фильме «Старая дева» ничего не происходит, сидят, завтракают, а смешно бесконечно — так точно все подмечено в жизни.

Бывает так: один рассказывает анекдот — смешно. Другой возьмется рассказать то же самое — и скучно, и неловко. Я стараюсь специально «запрограммировать» реакцию

— А хотя бы погону по царским палатам. Я, зритель, вовлечен в эту погоню и вдруг — останова камеры. Вглядываешься — и начинаешь уже не улыбаться, а хохотать: сидят друг против друга, пригорюнившись, Бунша и деревенный святой — идол. Похожи друг на друга поразительно. Это то, что раньше «газом» называли — он, как удар, неожидан.

— В этом и смысл. Просто погоня — неинтересно, обязательно должен быть «гаг», какая-то смешная точка. И ставить их надо расчетливо. Недавно я пересмотрел старую свою картину «Деловые люди». Чего там только нет! Я только начинал тогда, хотелось все попробовать — и получился в третьей новелле «Вождь краснокожих» явный перебор. Теперь я так не сделал бы. Вот сейчас многие увлекаются съемкой на 16 кадров, когда все движения ускоряются: что ни комедия — обязательно на экране все бегут, дергаются, размахивают руками, как петрушки, кажется, смешно, а —